

- Послушай, Эзраки...

Керш следовал за аптекарием вниз по каменному коридору, ведущему на арену. За ним, в свою очередь, следовали три его личных серва. Повсюду шныряли сервы и сервиторы. Каждый из них выполнял определенные задачи разной степени важности. Воины из других Орденов также пропускали Эзраки, шагавшего в ритм со скрипом его гидравлической конечности.

- Говорю тебе, я - не я.

- Что ж, кто бы ты ни был, - произнес Эзраки, - ты зайдешь в Клетку через три минуты, поэтому готовься заранее.

- У меня расстройство сознания.

- Это - побочный эффект от столь долго пребывания во тьме.

- Возможно, во время процедуры произошла ошибка...

- Геден говорил, что ты попробуешь отвертеться таким способом.

- Я вижу необъяснимые вещи.

- Видеть - значит верить, Керш. Сделай невозможное реальным.

- Я все еще не в себе, аптекарий!

Сервы, обычно смотрящие в пол в присутствии Адептус Астартес, уставились на взволнованного Сдирателя. Эзраки остановился и развернулся к Кершу.

- Я уже выполнил полное сканирование. Процедура была успешной.

- Может дефект оккулобулара?

- Невозможно.

- Супрагормональный дисбаланс.

- У него другие симптомы.

- Повреждение мозга.

- Я был неправ, Керш.

- Что ты имеешь в виду?

- На «Шраме» я приказал тебе отдыхать. Я был неправ. Все раны, нанесенные тебе Альфа Легионом и процедурой, зажили. Мы – Анеглы Императора, созданные по его образу и подобию, но мы не одинаковы. Я переоценил твои возможности восстановления. Ты одарен, Кнут, и сейчас мне нужен твой дар. Он нужен твоим братьям. Это – дело чести, и ты должен принять вызов нашему Ордену. Это не обсуждается. Слышишь меня, Керш? Сейчас – самое подходящее время. Две минуты – и честь Ордена окажется в твоих руках.

Плечи Кнута расслабились.

- Значит, я просто теряю свою душу.

- Это лишь реакция тела, уверяю тебя. Следуй за мной, - произнес Эзраки и нырнул под арку.

Под ней Керш обнаружил небольшое помещение. У каждого Ордена была небольшая комната для подготовки к поединку в Клетке.

- Помогите брату Хадраку, - приказал Эзраки сервам Керша, пока тот направлялся в сторону каменной плиты с печатью Сдирателей.

Молодой технодесантник Хадрак облачился в церемониальную броню вместо стихаря. Он яростно орудовал молотками различного размера, склонившись над адамантовой наковальней, но когда Керш приблизился к нему, сделал паузу и одарил Кнута презрительным взглядом.

- Продолжай работу, брат, - произнес Эзраки, и технодесантник отвернулся.

Старик Энох и Орен стали таскать пластины брони, в то время как Вефесда сняла с Кнута стихарь. Пока ее родственники облачали Сдирателя в броню, она возилась с ремнями и заклепками, соединявшими пластины брони.

- Что это? – спросил Керш, многозначительно разглядывая желтую пластину нагрудника.

- Все воины должны быть облачены в броню легиона, - ответил Эзраки. – Это символ единства.

Хадрак передал Еноху и Орену наплечники. Первый был раскрашен в цвета Имперских Кулаков. Второй – нес на себе эмблему Сдирателей. Именно над этим наплечником трудился

технодесантник, когда в комнату вошли Керш и Эзраки. Наплечник был сильно поврежден.

- Узахар получил серьезные травмы.

- Эзраки...

- Соревнования были в полном разгаре, когда ты очнулся. И ты не участвовал в церемонии открытия.

Аптекарий выглянул в коридор, чтобы сверить часы.

- Что ты знаешь о Пире Мечей?

- Я знаю, что это дипломатическая потеря времени, когда наши братья калечат друг друга, пока настоящий враг безнаказанно бродит по всей галактике.

- Пир Мечей проходит в честь решения нашего примарха разбить легион на Ордена, как того требовал Кодекс Астартес. Дорн выбрал «Вечную крепость» Железных Воинов на Себастусе IV в качестве инструмента деления.

- И тогда возник наш Орден, - произнес Керш. - Я знаю эту историю о «Железной Клетке».

- Мы вошли в «Вечную крепость» как легион, - продолжил Эзраки. - А вышли множеством Орденов. Нашему примарху было больно наблюдать за тем, как рушится наше братство, но он знал, что это необходимо. Дорн оставил за собой пост командующего Кулаками. Он хотел, чтобы Ордена сохраняли хорошие взаимоотношения и поддерживали культ братства. Это желание воплотилось в последовавшем позднее Крестовым походом Дедала. Наши братья из других Орденов были приглашены для участия в этом походе, где вновь были даны клятвы и проведены ритуалы. Рогал Дорн самолично сломал клинок, которым он сражался на барже Гора, не сумев помочь Императору. Второй клинок, так называемый «Меч Себастуса» или «Меч Дорна» остался с нами после Железной Клетки. Это один из самых почитаемых артефактов в легионе, сам Дорн использовал этот меч во всех своих битвах. Орден, победивший на соревнованиях, удостоивается чести хранить этот клинок у себя до следующего Пира Мечей.

- Спасибо за экскурс в историю. Сейчас ты похож на сантиарха Бальтазара.

- Ты должен знать, за что мы сражаемся.

Керш наблюдал, как ВеФесда затягивает ремни наплечника.

- Я не носил броню скаута со времен службы в десятой роте.

Керш был полностью экипирован для спарринга. Туника, грудная пластина с аквиллой в центре, ракушка и наплечники из керамита, на руках – перчатки. Комплект снаряжения завершали ботинки. Шлем не прилагался к экипировке, локти и бицепсы также были открыты. Эзраки вышел первым.

- Правила просты. Каждый раунд заканчивается нокаутом. Дерутся два чемпиона. Тот, кто покидает клетку на ногах – победитель. Время поединка не ограничено. Клетка – церемониальная площадка, но это не амфитеатр. Клетка – своеобразная реконструкция «Железной Клетки», но поверхность меняется каждый раунд.

- Каждый?

- Да, каждый.

Эзраки провел Кнута через ворота. Железные решетки и каменные плиты, встречавшиеся им на пути, были усеяны изображениями Кулаков со своим примархом, чтобы никто не забывал, кто является избранными чемпионами Дорна. Первыми среди равных. Достойными носить броню в цветах примарха. Данные рисунки служили прямым посылом всем чемпионам других Орден. Апотекарий направил сервов в сторону ярусной галереи. Старый Енох пробормотал молитву, а Орен подобострастно склонил голову.

- Сражайтесь хорошо, господин, - произнесла Вефесда и, чуть помедлив, побежала за отцом.

- Расскажи мне об оружии, - произнес Керш.

Эзраки кивнул. Керш был прагматиком и воином.

- Лишь два оружия разрешено использовать в Клетке, - начал апотекарий.

- Это, - произнес он, похлопав Кнута кулаком по спине. – Используй его по назначению. Второе – гладиус, спрятанный в Клетке. Один – для тебя, другой – для противника. Наконечники и лезвия смазаны паралитическим токсином, разработанным Адептус Механикус специально для Пира. Чем больше порезов ты нанес, тем больше вероятность твоей победы. То же самое можно сказать и про твоего оппонента.

Сдиратели стояли рядом со входом в Клетку. Прозвучал гонг, возвещающая о начале поединка.

- Эзраки?

- Да?

- Что, если это не побочные эффекты от процедуры? Что, если это не мой разум? Что, если это

Тьма?

- Что ты имеешь в виду?

- Что если вещи, которые я вижу... реальны?

Апотекарий задумался.

- Это уже вопрос святости. Почему тебе не обсудить этот вопрос с капелланом? Если тебе повезет, у тебя будет такая возможность.

Решетка ворот стала подниматься, и прозвучал второй звонок. Эзраки поднес перчатку к губам и поцеловал ее.

- Dexter a Dornami, Захария Керш, - произнес апотекарий, прежде чем удалиться.

Керш кивнул и преклонил колено перед воротами. Он сжал кулак и прикоснулся костяшками ко лбу, губам, нагрудной пластине брони, одному сердцу, затем второму. Встав на ноги, Сдиратель вошел в Клетку. Она не была похожа ни на амфитеатр, ни на тренировочный зал, к которому он привык. В Клетке могли бы спокойно уместиться два боевых корабля. Поверхность была неровной и усеяна каменными блоками, выточеными из темного самаркандского камня. Сама арена была усеяна квадратными ямами и перпендикулярными возвышениями, лестницами и зубчатыми валами. Вылезти из Клетки можно было только, взобравшись на самую вершину высоких валов. Это место не было типичной гладиаторской ямой дикого мира. Здесь не было ликующей толпы или подстрекателей, присутствующих на подобных мероприятиях. Ряды закованных в броню мужчин молчаливо, словно статуи, взирали на бойцов. Аудитория соревнований была похожа на посетителей музея, среди которых шныряли сервы, провожавшие гостей на их места, и сервиторы, стоящие подле Ангелов смерти, пока те наблюдали за происходящим. Керш заметил Еноха и Орена, стоящих рядом с Эзраки. Вефесда свешивалась с перил, ее на ее лице отражались смешанные чувства, включая страх и вымученную храбрость. И тогда он снова увидел его. Позади Вефесды стояла фигура из его кошмаров. Его недавнее наваждение. Костяной фантом в броне. Он стоял среди его братьев, наблюдая за Кнутом. Пока Керш спускался в яму, тусклый блеск линз призрака следовал за ним. Решетка ворот захлопнулась, и Керш приступил к поиску гладиуса. Перейдя на бег, Сдиратель стал взбираться на холм для лучшего обзора местности. Каблуки его ботинок крошили камень, пока он перемещался от блока к блоку. Кнут опустил плечи, его взгляд перемещался от одного места к другому. Сдиратель грамотно распределял энергию во время бега, экономя силы.словно хищник. Неожиданно Керш услышал рев своего противника, который уже поджидал Кнута.

Космический десантник сбил его с ног. Керш покатился вниз. Задев острые края валунов, Кнут, наконец, остановил падения на уровне мезонина. Оправившись от удара, Сдиратель резко развернулся. Его противник отбросил его с одной арены на другую. Керш сразу понял намерения его соперника. Космический десантник стал карабкаться вверх по угловатой колонне. Кнут услышал скрежет металла о камень. Повернувшись лицом к Кершу, его

оппонент показал ему сжатый в руке гладиус. Эзраки был прав. Керш все-таки встретился с капелланом. Тяжелый амулет висел на поясе оппонента вместе с ожерельем из драгоценных камней для молитв. Сам амулет представлял собой адамантовую аквилу, и Кнут узнал в нем розариус капеллана, деактивированный, как того требовали правила поединка. Наплечник нес на себе символ Ордена Повелителей Огня, но Керш уже понял, кто перед ним, лишь взглянув на татуировки космического десантника. Капеллан был ходячей иллюстрацией – на всех частях его тела были вытатуированы языки пламени, которые он готов был обрушить на своих врагов. Его сухая кожа была усеяна татуировками, в то время как почерневшая макушка черепа была вымазана сажей, словно выжженное поле сельскохозяйственного мира. Издав оглушающий рев, капеллан Повелителей Огня прыгнул вниз. Он жаждал поскорее закончить поединок, пока Сдиратель не оправился от удара. Но гладиус встретил лишь воздух. Керш перекатился в сторону, позволив мечу соприкоснуться с поверхностью. Делая кувырок назад, Керш врезал ботинком в челюсть Повелителя Огня. Выведя капеллана из равновесия.

К тому времени, как Керш поднялся на ноги, его противник уже приближался к нему, метя в Кнута отравленным лезвием. Керш уворачивался, балансируя на носках своих ботинок. Сдиратель то выгибался дугой, то уклонялся в стороны, убирая руки и ноги с пути отравленного лезвия. Капеллан двигался как настоящий эксперт ближнего боя. Движения клинка были практически неуловимы обычному взгляду, уколы и рубящие удары были похожи на строки поэмы. Это напоминало Кершу пламя во тьме, из которой не было выхода. Кнут поднимал вверх перчатки, отбивая кончик клинка кулаками. Захария завидовал грации своего противника. Сдиратели были яростными бойцами. Плавность, ритмичность и техника не были популярны в Ордене Керша, и все сводилось к первобытному инстинкту. Выживание было всем. Техничность владения мечом была уделом мертвецов. Керш позволил мечу пройти сквозь его защиту. Повелитель Огня, ухватившись за возможность, сделал более длинный выпад, что позволило Сдирателю ухватить противника за запястье и шею. Десантники стали бороться за право владения мечом. Какой-то момент бойцы не двигались, сжимая конечности друг друга в мертвой хватке, на лицах застыли выражения силы и воли. Капеллан схватил запястье Сдирателя, схватившее его за шею. Затем резко потянул Кнута за грудную пластину, и оба десантника стали кружиться вокруг друг друга. Повелитель Огня прижал Керша к каменному обелиску. Поверхность самаркандского камня треснула, и осколки посыпались на землю. Кнут оттолкнул противника, впечатав его в толстую железную стену Клетки. Наплечник Повелителя Огня скрежетал, пока Кнут тащил капеллана вдоль стены. Керш впечатал кулак противника, сжимавший гладиус, о железную поверхность стены. Повелитель Огня разжал хватку на нагруднике Сдирателя и стал наносить боковые удары по корпусу Керша. Наконец, гладиус выпал из руки капеллана и упал на землю. Это вызвало у Керша удивление, он не думал, что его усилия будут вознаграждены так быстро. Он тут же попытался схватить гладиус, но прежде чем он осознал ошибочность своего поступка, капеллан нанес сокрушительный удар в голову. Керш упал, сжимая гладиус в руке. Откатившись в сторону, Кнут вытянул вперед руку с клинком. Подошва ботинка Повелителя Огня обрушилась на его кисть. Второй ступней капеллан атаковал лицо поверженного Сдирателя. Открыв окутанный кровавой пеленой глаз, Керш обнаружил, что избивание закончилось. Повелитель Огня уже не стоял над ним, и Кнут услышал, как капеллан поднимает упавший гладиус. Вокруг также происходили изменения. Архитектура Клетки, зеркально отражавшая кошмар Вечного Дворца Железных Воинов на Себастусе IV, менялась. Секция пола, на которой она находился, также начала подниматься. Перекатившись, Керш врезался в Повелителя Огня. Оба Адептус Астартес упали на землю, и снова гладиус стал объектом соревнования. Схватившись за кончик лезвия и рукоять, Повелитель Огня и Сдиратель сражались за право владеть гладиусом. Испещренное татуировками лицо капеллана исказилось, бицепсы напрягались в попытке приблизить лезвие к глотке Керша. Кнут отвернул голову, когда противник навалился на него. Дыхание

Повелителя Огня отдавало химическими парами. словно космический десантник проглотил прометий. Лезвия продвинулось вниз, и глаза Керша расширились. Грубая сила взяла вверх, и на лице Повелителя Огня появился звериный оскал. Вместо идеальных зубов, характерных для ангелов Императора, Кнут обнаружил пасть полную острых, каменных клыков, похожих на наконечники стрел и копий. Капеллан сделал вдох, сжав челюсти, затем резко выдохнул, окатив лицо Сдирателя струей пламени. Керш склонил голову набок, позволив гладиусу еще больше приблизиться к его горлу. Десантник почувствовал, как начинает поджариваться кожа на шее. Вторая струя обожгла ему ухо и часть лица. Извиваясь, Кнут кинул взгляд на безмолвную толпу.

Он ощущал разочарование Эзраки. Он мог видеть Вэфесду и своего призрака. Он все еще стоял среди других воинов. Ожидая. Наблюдая. Но он смотрел не на Кнута. Последовав за блеском линз шлема фантома, Керш обвел взглядом пейзаж Клетки, подворья и зубчатые стены Вечного Дворца в миниатюре. Там, где платформа мезонина из каменных блоков отошла в сторону, Керш обнаружил тусклый блеск лезвия второго гладиуса. Меч стал главной целью Сдирателя. Он жаждал схватить грубую рукоять оружия, нанести рубящий удар острым лезвием клинка и вонзить кончик гладиуса в сердце противника. Собрав все свои силы, Кнут оттолкнул капеллана. Десантники покатались по земле, и в последний момент Керш разжал хватку и отшвырнул своего соперника в сторону. Сдиратель резко вскочил на ноги, но тут же почувствовал, как кончик меча Повелителя Огня ткнул его в бедро. Эффект от созданного Механикус токсина проявился незамедлительно. словно после укола жалом гигантского арахнида, мускулы на ноге Керша перестали слушаться десантника. Пока капеллан все еще лежал на земле, Кнут попытался добежать до второго гладиуса, но спринт очень скоро перешел в ковыляние. Нога полностью перестала его слушаться. словно плоть и кость оказались зажаты невидимыми оковами. Конечность отказывалась переносить весь отчаявшегося Сдирателя. Керш стал ковылять вдоль арены, падая с блоков и переползая через препятствия и барьеры. В какой-то момент Кнут скатился во впадину Клетки, попав в некое подобие бассейна. Барахтаясь в темной воде, Сдиратель почувствовал взмахи меча позади себя. Повелитель Огня был в нескольких метрах от него.

Впереди показалась башня из каменных блоков, на ее вершущке он и обнаружил второе оружие. Блоки имели необычную форму с сетью равноудаленных отверстий. Кнут рванулся вперед, перенося вес на здоровую ногу. Послышался щелчок механизмов, и из отверстий стали появляться пики. Керш слышал истории о кошмарном дизайне Вечной Крепости с лабиринтами и ловушками. Имперские Кулаки создали подобие Железной Клетки, соблюдая все детали конструкции. Кнут сполз прямо к нижнему отверстию. Повелителю Огня, из-за его желания поскорее настигнуть противника, повезло меньше. Стальной штырь вонзился ему в плечо. Пока капеллан пытался избавиться от внезапно возникшего препятствия, Керш начал карабкаться вверх, хватаясь за стальные пики. Используя их как в качестве лестницы, Кнут медленно, но верно подбирался к вершине башни. Его парализованная нога безвольно болталась каждый раз, когда он подтягивал свое тело вверх. Наверху его ждал гладиус. Острый. Обмазанный парализующим токсином. Посмотрев вниз, Керш заметил, что его оппонент куда-то исчез, оставив кровавый след на одном из отверстий. С башни Клетка просматривалась довольно хорошо, но из-за постоянно двигавшегося ландшафта Кнуту было сложно определить местоположение противника. Его сверх-зрение и слух были бесполезны в условиях постоянного грохота и меняющегося пейзажа. Керш потерял контроль над конечностью, но с гладиусом в руке Сдиратель ощущал, что приобрел новую часть своего тела. Спрыгнув на противоположную площадку, Керш зашатался. Его парализованная нога дала о себе знать, и он упал. С трудом поднявшись на ноги, он развернулся, ожидая нападения противника. Но Повелителя Огня нигде не было видно. Когда он еще раз оглядел окрестности,

то понял, что его обвели вокруг пальца. Повелитель огня стоял на вершине башни, с которой только что спрыгнул Керш. Капеллан спрыгнул вниз в лучших традициях его братьев-специалистов планетарного штурма, грациозно приземлившись на землю. Повелитель Огня перекидывал гладиус из руки в руку. Кровь ручьями лилась из поврежденного плеча капеллана, но тому, похоже, было все равно. Его глаза буравили Керша, а зубы скрежетали друг о друга. Еще мгновение оба восстанавливали силы, после чего Повелитель Огня принял знакомую боевую стойку. Держа меч обеими руками, Сдиратель, переместив вес на здоровую ногу, также приготовился к бою.

- Ко мне, мясо, - взревел Керш.

Железная Клетка взорвалась звоном мечей и боевыми криками Керша и Повелителя Огня. Кнут был убийцей чемпионов. Его священной обязанностью было убивать лучших воинов противника, чтобы магистр Ордена мог не отвлекаться, командуя войсками Адептус Астартес. Его владение мечом было практичным, ужасающим и непредсказуемым, как у Дорна, который не раз удивлял своих врагов во время битвы. Однако другие Ордена также присылали своих лучших воинов, и его оппонент был не менее устрашающим противником. Движения его меча были похожи на бешеное inferno. Он искусно и быстро перебрасывал меч из одной руки в другую. Капеллан активно использовал не только гладиус, но и руки и ноги, заставляя Керша переходить в оборону. Движения Повелителя Огня были идеальны. Лезвие капеллана пробило грубую защиту Керша и задело надбровную часть его головы. Капля крови попала в глаз Сдирателя. Как только паралитический токсин начал действовать, Кнут почувствовал, как часть его лица онемела. Глаз закрылся, а губа провисла. Керш сделал резкий выпад, не характерный для доктрины ближнего боя его Ордена. Повелитель Огня снова зашипел, сжав челюсти. В этот раз Керш понял, что струя пламени нацелена на его гладиус. Оранжевый столп пламени прошелся по лезвию, вызвав пар с металлической поверхности. Керш с ужасом осознал, что капеллан обезвредил паралитический токсин на его оружии. Бой продолжился, Повелитель Огня парировал все удары Сдирателя. Блоки снова зашевелились, и ландшафт клетки снова стал меняться. Блок, позади Керша, отошел в сторону, и под ним обнаружилась небольшая яма. Наполовину ослепший, с онемевшей ногой, ямой позади и настойчивыми атаками капеллана, Кнут оказался в ловушке. Он почувствовал, как аудитория застыла в ожидании, а в воздухе повисло его собственное отчаяние. Семя сомнения стало возрастать внутри него, и он почувствовал на себе взгляд фантома. На какой-то момент он снова погрузился во Тьму, где Керш познал вселенную без надежды. Возможно, его одержимость прокляла их всех, и Сдиратели обречены на поражение. В Пире Мечей. Сам Орден был обречен. Керш понимал пределы возможностей тела Адептус Астартес, что оно может делать, а что – нет. Он сражался с братом, более достойным внимания Императора. Истинным сыном Дорна. Мастером клинка. Настоящим чемпионом. Повелитель Огня почти добил его. Меч капеллана ударил с такой силой, что разорвал не только перчатку Керша, но и сломал несколько костей руки Кнута, выбив гладиус из рук Сдирателя. Оба воина наблюдали за падением меча на землю. Конец был близок. И оба десантника знали эти. Повелитель Огня выгнул спину, готовясь нанести рубящий удар сверху вниз. Достойный удар, чтобы добить Сдирателя. Зарубить его и сбросить в «могилу». Воин был побежден. Судьба Ордена была фактически предрешена.

Часть губы Керша скривилась. Его перчатка метнулась вверх, заблокировав руку Повелителя Огня. Схватив розариус капеллана, Сдиратель нанес удар по лицу космического десантника алмазной аквилей и обвил его лицо цепочкой. Сжав зубы и держа цепочку обеими руками, Керш наклонился, готовясь перекинуть противника через себя. Используя свой вес в качестве

противовеса, Кнут осуществил бросок своего оппонента. Перевернувшись, Повелитель Огня рухнул прямо на парализованную ногу Керша. Оба соперника повалились на землю. Керш упал на землю, но Повелителю Огня повезло меньше, и он полетел прямо в яму. Даже сквозь кровавую пелену Сдиратель смог увидеть, как капеллан падает в яму, ударяясь о край стены. От удара его гладиус выпал из рук, и Повелитель Огня исчез в темноте. Керш с трудом поднялся на ноги. Он отыскал глазами свой гладиус и поднял его здоровой рукой. Дохромав до края пропасти, Кнут начал спуск вниз. Повелитель Огня лежал внизу со сломанной спиной, его разбитое тело распласталось по всей длине ямы. Трясущиеся пальцы искали оружие, но гладиус находился вне пределов его досягаемости.

- Сдавайся, брат, - произнес Керш, обращаясь к Повелителю Огня.

- Не тебе, - наконец выдавил капеллан, его голос был похож на шипение. – Не обещанному ублюдку, которого называют Кнутом. Не тому, кто лишился благословения Дорна.

Керш сузил глаза. Сдиратель медленно кивнул.

- Это твое право, брат.

Сдиратель перехватил оружие так, чтобы рукоять с перекрестием оказалась у него между пальцев, а лезвие – параллельно кулаку и локтю. Кнут спрыгнул на землю. Он наклонился к Повелителю Огня и поднял рукоять меча, готовясь нанести последний удар. В глазах капеллана читался ответ на его предложение. Он не сдастся. Аудитория застыла в ожидании. Повелитель Огня не будет просить о пощаде. Керш приготовился нанести беспощадный удар.

- Керш! – позвал аптекарий, не в состоянии сдерживать свое отвращение.

Кнут слегка повернул голову. Над ним, на краю ямы, стоял судья от Имперских Кулаков. Ветеран Адептус Астартес смотрел на обоих десантников. Мгновение поколебавшись, судья вытянул руку в сторону ворот Сдирателей. Кулак кивнул Эзраки и ушел. Керш издал глубокий вздох. Взглянув напоследок в лицо Повелителя Огня, Кнут заметил, что его глаза все еще горят гневным пламенем. Используя стену ямы в качестве опоры, Сдиратель поднялся на ноги и бросил меч на грудь своего оппонента.

- Похоже, сегодня Дорн присматривает за мной, брат, - произнес Кнут, сплюнув кровь на каменную стену.

Керш поднял голову и бросил взгляд на толпу зрителей. Он увидел Вефесду и Эзраки, эмоции которого не сложно было угадать. Фантом, похоже, исчез.

- Кто следующий? – крикнул Керш толпе.

Я не сплю, и, хотя это и не сон, я понимаю, что это должно быть сном. В течение дня, после

тренировок и молитв, Сдирателю позволено отдыхать четыре часа. То, что преодолевают Адептус Астартес за один день, может убить обычного человека. Наши совершенные тела являются биологическими инструментами воли Императора, но разуму требуется отдых. Даже находясь во Тьме, я не мог потерять себя в том, что можно было бы охарактеризовать как естественный сон. Мое тело разбито. Некоторые кости сломаны. Моя кровь сворачивается под действием магна-опиодов и гормонов роста, помогающих заживлению ран. Жестокие тренировки и более жестокие испытания последовали за пениториумом и ритуальным очищением плоти. Мое тело, хоть и сверхчеловеческое, истощено, но разум не сдаётся. Лишь периодически возникают каталептические приступы, как, например, сейчас. Иногда я позволяю себе отключать разные части моего генетически усовершенствованного мозга, пока я прибываю в состоянии полудремы. Я использовал этот способ много раз, сражаясь в лесах миров-смерти и в условиях сильнейших штормов. Ты полагаешься на инстинкты выживания, позволяя мозгу отдыхать. Это не заменит сон, однако в таком состоянии сложно провести разницу между бредом и реальностью. Сидя здесь, я не обратил внимание, что уже нахожусь в этом состоянии. Я на «Шраме». Несмотря на мой успех на Пире Мечей, мое присутствие в бараках и трапезной все еще неприятно для моих братьев. Труп-капитан Гидеон дал мне ограниченный доступ в пениториум, келью реклизиама и аптекарион. Я избегаю тренировочных клеток. Большинство приготовлений происходит внизу, на поверхности планеты. Помимо Имперских Кулаков Самарканд охраняется Четвертым Трацийским. Все остальные ресурсы были сосредоточены на кордоне, сдерживая Великого Клыка и его армию. Когда я спросил, почему именно это место было выбрано для проведения Пира Мечей, Эзраки ответил, что такова традиция: хозяева турнира выбирают место, где в последний раз их Орден одержал победу. Подобный выбор был характерен для Кулаков и их приемников. Над нашими головами проносились корабли, а Имперская Гвардия зачищала землю от спор. Я стою один среди полей пепла и апокалипсических руин. Я сижу на ящике. Я чувствую, как аптекарий и его свита трудятся надо мной. Как и мои люди. Люди Эзраки работают над моим лицом. Их движения четки и натренированы, мое лицо становится похожим на сшитые лоскуты плоти. Между рассечением от меча сержанта Тенаки из Смертельного Удара и вмятиной, полученной от удара рукоятью меча огромного Багрового Кулака, с которым мне не посчастливилось скрестить клинки, сплошное месиво. Я знаю, что каждый из этих шрамов – благословение, ниспосланное Катафалком, и отметина Дорна, но мой череп словно разобрали на части, как детский пазл. Люди Эзраки делают все возможное, чтобы склеить то, что еще можно склеить. Сам аптекарий обрабатывает мою руку. Инструменты Эзраки орудуют по всей длине предплечья. Моя рана открыта, инструменты проводят операцию над сухожилиями. В предыдущем раунде Кнуг Хэгстад из Брикантии подумал, что будет благоразумно сломать мне руку, после того как увидел ее работу с гладиусом. Я заставил его пожалеть об этом, отрубив ему руку ударом сверху, которым был бы доволен сам Дорн. Деметр Катафалк в подробностях описал правильный звук меча при нанесении этого удара, сочтя его похожим на певчую птицу с Терры. Совершенство – достойно восхищения, но несовершенная победа – тоже неплохой повод для радости. Эзраки проинформировали меня, что подобный поступок, несмотря на то, что он не запрещен на поединках, ранил достоинство некоторых участников, Железных Рыцарей и Имперских Кулаков. Я не ставил целью глумление над соперниками, сам Дорн потерял руку в бою.

Но брикантийцы восприняли это по-своему и развели полемику, больше заботясь о каждой букве ритуальных правил и этикете поединка, чем о победе. Они подали прошение о моей дисквалификации, но это уже не первый случай. Ранее я распотрошил еще одного их чемпиона, Гервальда Строма. Было решено приостановить состязания на один день для принятия решения. День для обработки моих ран и порицаний со стороны трупа-капитана Шилоха Гидеона, хотя, за фасадом его риторики, я слышал нотки гордости и облегчения.

Бесчестье при избиении противника было предпочтительнее бесчестья поражения. Стром выжил, он был крепким ублюдком, и мое участие продолжилось. Сдиратели не участвовали бы в таком спектакле. Никто не жаловался на укрепления Императорского Дворца. Никто не предъявлял претензий Сынам Гора, ублюдкам из Пожирателей Миров или кузнецам Пертурабо. Когда Беренгер из Белых Храмовников отнял мой глаз, я не зывал к возмездию и не останавливал турнир. Я не лаял, как собака, протестуя против его участия. Я сражался, так как я был рожден для этого. Я отнял у оппонента единственное, что мне было нужно – победу. Я устал от правил и инструкций. Апотекарий провел оперцаию над моим глазом и предложил мне бионический протез. Я отказался. Эзраки и Хадрах настаивали, что я буду лучше видеть, но меня это не волновало. Однако потом они признали, что мне потребуется время на привыкание. На данном этапе я не мог позволить себе такую помеху. Я согласился на обычный протез в виде белой сферы, как временную меру. Матовая поверхность металла сделала оборот, когда я поднял голову. Я заметил, как все наблюдают за этим движением. Эзраки настаивает на замене протеза после соревнований, но протез словно врос в меня. Апотекарий склонился над моей рукой. Он имплантирует адамантовый штифт и поршень, имитирующий связки. Мои сервы также заняты моим телом. Пока моя рана открыта, и ничто не препятствует потокам крови. Орен активно стирает с пола упавшие капли. Старый Энох стоит на коленях, бормоча молитвы. Вефесда – позади меня, работает вместе с помощниками Эзраки. Она подносит мокрую тряпку к моим бровям, и это дает мне ощущение комфорта. Я не сопротивляюсь этой беспечности. Она все еще юна. Ее беспечность – проявление человечности, и если подобные бесполезные действия дарят ей комфорт, кто я такой, чтобы лишать ее столь незначительного проявления радости? Мой гость тоже здесь. Он бродит словно черная, чернильная масса, и затем снова исчезает во тьме. Я ловлю каждое его движение. Мне кажется, что он всегда рядом, даже когда его нет. Я разворачиваюсь. Из его разбитой лицевой пластины веет холодом, превращающим мое дыхание в пар. Я слышу скрежет его зубов, и я снова вижу внутренность его шлема, лицо без кожи. В темных коридорах нижних палуб я слышу шаги фантома. На Самарканде он стоит на руинах, наблюдая за моим прогрессом, пока я бегаю, тренируюсь и сражаюсь. Он всегда следит за мной, находясь за Клеткой. Я не смотрю на него, зная, что он стоит в толпе и взирает на меня. Он молча поддерживает мои усилия.

- Разбудите его, - услышал я команду.

Я знаю этот голос. Это труп-капитан Гедеон.

- Я не сплю.

Труп-капитан зашел в темное помещение. Его глаза быстро просканировали помещение. Было ясно, что Сдиратель никогда не спускался сюда раньше. Позади него шагал капеллан Дардарий в своих черных доспехах.

- Капеллан Дардарий, - приветствовал Сдирателя Керш. – Славный труп-капитан позволил мне посетить реклюзиам, и вот я здесь, а тебя тут нет. Ты пришел услышать мою исповедь? Очистить мою душу от сомнений своим советом и очистить мою плоть от слабости бичеванием?

Сухопарый Дардарий перевел взгляд от Керша на саркофаг, а затем уставился на Эзраки, проводившего операцию.

- Капеллан? – повторил Кнут.

- Позднее, - ответил Геден. – Хозяин Пира принял свое решение.

- Пришел сам Фортинбрас? – спросил Эзраки, поднявшись со своего адамантового колена.

- И? – спросил Керш.

- Фортинбрас разрешил продолжить поединок.

Керш взглянул на аптекаря и свою руку.

- Заканчивай с ней.

- Однако есть условия, - добавил труп-капитан.

- Да, - согласился Керш с нарастающим раздражением. – Такая небольшая вещь, называется победа.

- Кулаки приняли решение в нашу пользу, - произнес Дардарий. – Но офицеры ранга капитан из остальных Орденов не признают твое право на участие, Кнут.

- Тогда они признают мой меч, когда дело дойдет до них.

- Они не хотят мараить свою честь и сражаться с тобой в открытом поединке.

- Это значит, что их трусость не позволяет им выйти на арену, - рявкнул Керш.

- Их честь не позволяет им это, - поправил Дардарий.

- Опять? – спросил Эзраки. – Что это значит?

- В то же время эта честь не позволяет им объявить победу на Пире без победы над тобой, - произнес Геден. – Однако, магистр Фортинбрас, следуя мудрости примарха, объявил, что судьба Пира решится в трехсторонней дуэли.

- Трехсторонняя дуэль... - кивнул Эзраки.

- Чемпионы Кулаков и Черных Храмовников не хотят портить свою репутацию, сражаясь с

тобой в одиночных поединках, - продолжил Дардарий, - однако победа будет несправедливой, если они не повергнут тебя.

- Похоже, ты уверен в их успехе, капеллан, - съязвил Керш.

Дардарий сделал паузу.

- Ты встретишься с Алигьери из Черных Храмовников. Одним из преданных воинов Братства Меча, кастеляном и ветераном крестовых походов на Волхис, Дельтамагн и улей Нимбус. Он вдвое младше тебя, но прошел не меньше битв, чем ты. Ну а что касается Монталбана, то он – чемпион Пуха и лучший среди Кулаков, возможно даже лучше, чем мы.

- Я вижу, ты потерял веру, капеллан, - обратился к Сдирателю Керш.

Дардарий опустил голову.

- Что ж, вот такая у нас ситуация, братья, - наконец произнес Гедеон.

Он посмотрел на Эзраки.

- Доставь его на планету. В броне.

- А что скажешь ты, труп-капитан? – поинтересовался Керш. – Совет?

Гедеон сжал губы.

- Делай то, что ты можешь делать лучше всего.

Сдиратели отвернулись, готовясь уйти.

- Не проигрывай.

Монталбан, Алигьери, Керш.

Сдиратель был удивлен атмосферой этого поединка. Никаких внезапных нападений из засады. Никаких боевых кличей и brutальных атак. Имперский Кулак и Черный Храмовник просто прошли в арену, каждый через свой выход. Как только Клетка захлопнулась, ландшафт стал меняться: задвигались полы и блоки, появлялись углубления и простые башенные конструкции. Вся Клетка пришла в движение.

Керш снова бросил взгляд на галерею, полную сверх людей. Сыны Дорна собрались, чтобы увидеть финал Пира, и узнать какой Орден станет хранителем меча примарха до следующих соревнований. На глазах людей творилась история. Восемьсот шестнадцатый Пир Мечей подходил к концу, и чемпион навечно останется в памяти собравшихся. Алигьери был прирожденным убийцей. Зелотом. Фанатиком. Он жаждал победы. Он не знал страха. Сомнение никогда не находило место в его сердце, а его верования были абсолютны – вера в своего примарха, Императора и Империум. Черный Храмовник уже встал на колени, чтобы получить воинское благословение. Тусклый свет в Клетке падал на его лысый череп и усы крестоносца. Он жил для искупления своих грехов и судил не только своих врагов, но и себя. Монталбан, в свою очередь, разительно отличался от своего соперника. Он был огромен, уступая ростом лишь берсерку из Багровых Кулаков, с которым Керш сражался в предыдущем раунде. В отличие от Алигьери верования Монталбана хранились глубоко в его огромной груди. Его судьба была судьбой ангела, давно привыкшего к сверхчеловеческим способностям своего тела. Он уже думал о себе, как о чемпионе среди чемпионов. Символ во плоти, сотворенный по образу и подобию Дорна, его глаза не горели суровой решимостью, как у Черного Храмовника, но алмазной уверенностью. Воин, который уже сто раз прокручивал этот бой у себя в голове и всегда выходил из него победителем. Его руки и плечи были похожи на округлые склоны холма, плавно переходя к голове с золотыми волосами и серыми бровями, под которыми читалось бессмертное спокойствие. Оба Адептус Астартес, казалось, не были затронуты обрядами Пира. Их опыт позволял с легкостью справиться с оппонентами, в то время как состязание сделало Керша похожим на существо из ада с множеством шрамов и порезов. Своим здоровым глазом Кнут уловил блеск гладиуса, который был тут же подобран мясистой рукой Имперского Кулака. Бросив взгляд на Алигьери, Кнут обнаружил Черного Храмовника на одной из стен Клетки. Встав на самый край, кастелян показал Кершу второй гладиус. Неожиданно Кнут почувствовал себя уязвимым.

- Кнут!

Керш услышал голос Монталбана и развернулся. Огромный имперский Кулак стоял рядом с третьим мечом. Внутренности Керша сжались. Мечи лежали в разных местах. Он надеялся на противоположный исход. Поддев кончиком лезвия перекрестия гладиуса, Монталбан подбросил оружие в воздух. Преодолев расстояние между ними, клинок упал прямо в руки Кнута. Крепко держа гладиус, Керш кивнул в знак признательности.

- За твои прошлые заслуги, - произнес Монталбан, стоя на двигающейся арене. - А вот и Алигьери. Битва началась...

Алигьери вступил в схватку. словно какой-то феодальный рыцарь в пещере огра, Черный Храмовник бросился на Монталбана, держа гладиус обеими руками. Керша восхитила отвага кастеляна. Это был неплохой гамбит. Имперский Кулак развернулся на носках и отбил удар своим мечом, который казался игрушечным в огромных ручищах Монталбана. Алигьери упал на темный камень пола и сделал кувырок. Он снова пошел в лобовую атаку на Имперского Кулака, искусно вычерчивая фигуры своим мечом, каждый рубящий и колющий удары был просчитан с холодной уверенностью. Керш сразу понял, что Монталбан стал чемпионом Пуха не только за виртуозное умение владеть мечом. Он был быстр для того, кто обладает таким ростом, каждый удар гиганта заставлял противника переходить в оборону. Алигьери наносил колющие удары, отвечая на широкие взмахи меча чемпиона, но каждый раз Черному Храмовнику приходилось принимать на себя град кромсающих и рубящих ударов. Удары

высекали искры из мечей, а Черный Храмовник стал отступать назад. Керш крепко сжал рукоять, и его шаги стали более уверенными. Не страх сковал его движения, хотя Сдиратель боялся, что именно так его противники воспримут дальнейшее промедление. Он получил возможность. Ему не повезло с расположением гладиуса, но Керш смог увидеть стиль боя своих соперников, а это дорогого стоило. Керш заметил, что Имперский Кулак предпочитает косые удары и резкие выпады. Космический Десантник относился к своему оружию, как к продолжению его руки, нанося град ударов по противнику с нечеловеческой эффективностью. Алигьери, напротив, направлял свой гладиус. Его техника выдавала лобовую тактику крестоносца, но кастелян прекрасно контролировал баланс оружия. Его кисти делали основную работу, контролируя эфес и фулькрум. Храмовник полагался на длину клинка при временной обороне, орудуя мечом с одинаковой скоростью и ритмом. Алигьери лучше владел гладиусом, но с каждым раундом Монталбан все больше снижал эффект от этого преимущества. В мгновение Керш оказался между ними. Кнут был убийцей, а не фехтовальщиком. Он не обладал ловкостью Храмовника и мощностью центрифуги, создаваемой рукой Монталбана. Сдиратель не делал различий между спаррингом и войной. Первые несколько взмахов выдали в нем первобытную ярость, первый удар чуть было не достиг горла Монталбана, а второй прошел совсем рядом с лицом Алигьери. Десантники, почувствовав угрозу, ответили с двойным усилием. Керш едва успевал подставлять клинок под удары Кулака и Храмовника. У него не было бы шансов, если бы противники не обменивались градом ударов друг с другом. Рука и плечо Кнута слегка задрожали от удара Имперского Кулака, и он сделал кувырок под просчитанный удар Алигьери. Керш занял позицию в вершине их треугольника. Пока в Клетке кипела битва, пейзаж снова стал меняться, некоторые опоры стали исчезать, а из земли начали выскакивать лезвия, рассекая воздух между участниками состязаний. Смещение блоков в клетке сильно дезориентировало десантников. Помимо дезориентации в пространстве и ловушек добавлялась яростная мясорубка оппонентов. Зубчатые диски, словно пилы, вращались в пространствах между напольными блоками, заставляя Адептуса Астартеса отступать и перепрыгивать через смертельные ловушки. Упав на землю из-за очередной сокрушительной атаки Монталбана, Керш был вынужден откатываться вдоль четырех блоков, с кранами, врезанными в камень. Когда Сдиратель оказался напротив них, из кранов стал выходить летучий газ, тут же воспламеняясь вокруг Керша. Зажав голову руками, Кнут стал катиться, отталкиваясь плечами, пока, наконец, не выбрался из этого пламенного облака. Пол под Монталбана неожиданно разъехался, и гигант полетел во тьму. Алигьери и Керш вынуждены были последовать за ним. Черный Храмовник лучше всех сохранял равновесие, но даже он не смог избежать облака приторного дыма, появившегося из решеток в полу, под ногами космического десантника. Клейкий туман оставлял грязь на коже, нагруднике, а также попадал в глаза, окутывая их пеленой. Техника и дисциплина сменились рубящими и рассекающими ударами. Мечи оппонентов сталкивались друг с другом, но трудно было понять, кому именно принадлежит меч. Алигьери получил хлесткие удары по голове, руке и ноге, значительно ограничившие его прежнюю грацию и гибкость. Керш получил колющий удар в ребро, чуть выше левого бедра, а также порез на задней части шеи, прямо над воротником нагрудника. Сдиратель ощутил знакомое онемение, словно после укуса паука. Его голова стала заваливаться на одну сторону, и Кнут был вынужден сжать плечи и напрячь сухожилия на шее, чтобы держать ее ровно. Монталбан оказался в наихудшем положении, так как был единственной огромной целью в этом тумане. Острое как бритва лезвие срезало зажимы на его нагруднике, и броня сползла вниз. Огромный Имперский Кулак получил царапины и порезы по обоим плечам и ноге, но, казалось, это его мало волновало. Его движения были такими же уверенными, как и прежде, гигант просто шел напролом, словно поезд, сбивающий преграды. Монталбан полностью освободился от брони и сбросил ее на землю. Кошмар битвы продолжился. Дорн и его Кулаки выдержали недели отчаянного штурма детища Пертурабо и его воинов. Здесь боевые братья и сам примарх познали истинную природу своих братьев. Пока толпа собиралась вокруг галереи над Клеткой, спектакль продолжался, но всем стал очевиден

тот факт, что между тремя воинами возникло то духовное единение, которое сплотило воинов Дорна в один из самых черных дней для легиона. Слишком много клинков схлестнулись в яростных схватках, слишком многие фантазии о триумфе разбивались, словно стекло, каждый желал ощутить частичку гордости легиона. Ни Монталбан, ни Алигьери, ни Керш не знали, сколько времени продолжается их бой. Их бой был самым долгим за всю историю Пира Мечей. Движение казались размытыми пятнами. Перекошенные лица Монталбана и Алигьери мелькали, словно вспышки, перед глазами Керша. Схватка была настолько яростной и изматывающей, что Кнут мог видеть свое собственное отражение в блеске лезвий. Позади вихря битвы Керш ощутил присутствие своего безмолвного гостя. В какой-то момент Сдиратель бросил взгляд на арену и увидел своего призрака. Каждый раз фантом исчезал и появлялся в других местах. Фигура, облаченная в броню самой смерти, словно высасывала жизнь из каждого места, в котором она оказывалась. Странник смотрел и ждал со спокойствием мертвеца. Ход времени в Клетке ощущался через капли проступавшего пота, боль и жжение в теле и в моментах, когда легионеры могли на мгновение отвлечься от битвы и взглянуть друг другу в глаза. Когда блоки стали подниматься вверх, наблюдатели смогли ближе рассмотреть участников. Стоя на верхушке каменной башни, Адептус Астартес обменивались ударами. Сделав еще один устрашающий выпад, Алигьери спрыгнул со своего блока и запрыгнул на блок, обороняемый Кершем. Каким-то образом Черный Храмовник избежал разрушающего удара Кнута и стал уворачиваться от ударов утомленного битвой Сдирателя. Они оказались настолько близко друг к другу, что Керш мог слышать боевые катехизмы и литании, срывавшиеся с губ Храмовника. Маневр оказался еще более рискованным, чем предполагал Керш, Храмовник увернулся от его клинка и выбил гладиус из рук Монталбана, который обрушил на него всю свою мощь. Меч взмыл в воздух и пролетел над широким бассейном с водой.

Блоки стали уходить вниз. Грязная вода стола быстро просачиваться через решетки в нижней части самого высокого блока и скоро совсем поглотила его. Монталбан наблюдал, как оружие, перелетев через бассейн, упало на землю на другой стороне. Не дожидаясь, пока Алигьери прыгнет на его башню, Имперский Кулак спрыгнул с края колонны и приземлился прямо на черный булыжник. Черный Храмовник оказался открыт для атаки, и Керш сделал выпад, который, без сомнения, должен был достать до живота кастеляна. Каким-то образом Алигьери умудрился отклониться от удара. Неожиданно башня задрожала, Керш предположил, что блоки снова начали двигаться, но второй толчок убедил его в обратном. Гигант Монталбан уперся в основу башни, словно зверь. Третьим ударом плеча он выбил блок из основания, и башня стала падать. Когда конструкция зашаталась, Керш потерял равновесие и рухнул вниз. Упав на край блока грудью, Кнут почувствовал, как сломалось ребро. Он оперся о твердую поверхность темного камня, отпустив гладиус, который тут же упал в мутную воду внизу. Керш потянулся за ним, но, через мгновение, на него обрушились остальные блоки падавшей башни. Упавшая колонна создала своеобразный мост вдоль бассейна, который Монталбан планировал использовать, чтобы добраться до своего оружия. Черный Храмовник снова доказал свою способность контролировать баланс и, встав в неустойчивую боевую стойку, преградил путь Имперскому Кулаку. Губы Монталбана сжались. Обхватив самый крупный блок, он поднял его над головой и устремился к Черному Храмовнику. Когда валун полетел в сторону Алигьери, ему ничего не оставалось, как прыгнуть в воду и поплыть к берегу. Когда ноги кастеляна наконец нащупали поверхность, кастелян поднял голову и... оказался прямо перед Монталбаном. Гигант подобрал остатки упавшего блока и снова поднял их надо головой. Алигьери приготовился нырнуть либо вправо, либо влево, в зависимости от траектории полета камня. В этот момент, словно чудище из глубин, из воды вынырнул Керш. Подобравшись сзади, одной рукой он схватил Алигьери за руку, державшую меч, а второй – обхватил его шею. Кастелян отчаянно сопротивлялся, но скорость и гибкость Храмовника не работали против

цепкого захвата Кнута. Керш притянул Алигьери к себе и уперся лбом в заднюю часть черепа десантника. Лицо кастеляна покраснело, когда он увидел, как Монталбан готовится кинуть в них очередной блок. Керш почувствовал, как ломаются кости Храмовника, когда камень врезался в тело Алигьери. Бойцы упали в воду, над водой возникло облако пыли, свидетельствовавшее о разрушительном эффекте столкновения. И снова Кнут оказался на дне бассейна, когда очередной блок угодил прямо в него. Его голова ударилась о камень, и он услышал звук, похожий на хруст. Освободив себя и обездвиженного Алигьери от тяжести каменного блока, Керш попытался оттолкнуться от пола бассейна, но понял, что его правая нога перестала его слушаться. Она была сломана и стала бесполезной. Гребя одной рукой, Сдиратель тащил Черного Храмовника к суше. Арена снова пришла в движение, раздался скрежет механизмов. Вода стала уходить сквозь решетки, и Кнут, наконец, нащупал ногами поверхность пола бассейна. Все три десантника оказались в одинаковой ситуации. Алигьери был похож на кровавое месиво. На грудной клетке зияла вмятина от удара валуном. Керш приложил ухо к другой части груди Храмовника, затем к губам. Удивительно, но десантник все еще дышал, хотя и с большим трудом. Кнут услышал скрежет своего гладиуса по поверхности арены и повернул голову в направлении звука. Монталбан поднял его у основания упавшей башни. Сделав пробный взмах, Имперский Кулак пошел в атаку. Аудитория безмолвствовала.

- Кнут! - крикнул Монталбан, направляясь к Сдирателю. - Время пришло.

Словно хищник с мира-смерти, Имперский Кулак перешел на бег. Десантник занес меч над головой. Керш повернулся к разбитому телу Алигьери. Его глаза нашли гладиус, зажатый в руке Черного Храмовника. На поверхности лезвия Сдиратель увидел отражение своего фантома. Призрак уставился на него сквозь отсутствующий кусок керамики на шлеме. Керш смог разглядеть его зубы и неестественный свет в глазницах его белого черепа, и дыру в его броне. Уязвимое место. Ахиллесова пята. Кнут слушал звук шагов гиганта Монталбана. Имперский Кулак был совсем близко.

- Ты готов, брат?- прогремел Монталбан.

Керш выхватил гладиус из рук Алигьери, повернулся и, опустившись на колени, метнул его в открытую грудь Монталбана. Клинок глубоко вошел в торс Имперского Кулака. Пошатываясь, гигант рухнул напротив Алигьери и Кнута. Упав, Имперский Кулак перевернулся на спину и застыл в таком положении. Помогая себе руками, Керш подтащил себя к поверженному гиганту. Глаза Имперского Кулака были широко открыты. Он хватал ртом воздух, но каждый вздох становился все слабее и слабее. Токсин распространился по всей груди космического десантника, парализуя оба его сердца и заставляя их полностью остановиться.

- Готов ли я? - повторил Кнут вопрос Монталбана.

- Ко всему, брат, - произнес он, сплевывая кровь. - Даже к тебе.

Сдиратель перевернулся на спину и уставился на зрителей, безмолвно взиравших на него.

- Позовите аптекариев! - наконец крикнул он.

Магистр Фортинбрас кивнул в знак признания победы Кнута, и решетка стала подниматься вверх. Фигуры в белой броне проникли внутрь. За ними последовали сервы, сервиторы и оборудование. Апотекарий Черных Храмовников тут же приступил к операции на груди и легких Алигьери. Апотекарий Имперских Кулаков профессионально извлек гладиус из груди Монталбана. Его сервы принялись останавливать фонтаны крови, появившиеся из торса чемпиона. Апотекарий извлек пару шприцев для подкожных инъекций из ящика с медицинскими инструментами, который ему принес угрюмый сервитор. Медик одновременно ввел их в мускулы и черный панцирь Имперского Кулака и начал впрыск противопаралитических компонентов. Монталбан изогнулся в конвульсиях. Сердца космического десантника забились, и Кулак стал жадно вдыхать воздух.

Эзраки подбежал к Кершу. Торжественность момента не позволяла ему открыто проявлять свои эмоции или поздравлять Кнута, но апотекарий с трудом скрывал свою гордость и удовлетворение за маской экспертного обследования пациента.

- Не двигайся, - произнес он, непроизвольно, на его суровом лице возникла ухмылка. - У тебя трещина в черепе, множество сломанных ребер и внутреннее кровотечение.

- Я устал, - с трудом выдавил Керш.

- Логичный результат битвы, - ответил Эзраки.

- Эзраки?

- Да.

- Это сон?

Апотекарий пристально взглянул в глаза Кнута. Он бросил взгляд на Черного Храмовника и Имперского Кулака и вспомнил, чего Кершу стоила битва с двумя чемпионами.

- Надеюсь, что нет.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/667529>